Годъ КІЕВСКІЯ XXXVI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1896 года. № 13. 1 Іюля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, 25 мая 1896 года [1]).

Въ послѣднее время душею и сердцемъ мы обращены къ первопрестольному граду, въ которомъ совершилось важное священнодѣйствіе коронованія и мѵропомазанія нашего Всемилостивѣйшаго Государя Императора и Благочестивѣйшей Государыни Императрицы. Тамъ наши искреннія молитвы, добрыя чувствованія и сердечныя благожеланія сошлись и слились съ таковыми же молитвами, чувствованіями и благожеланіями всѣхъ русскихъ людей, при чемъ наглядно открылось замѣчательное согласіе и единодушіе всего русскаго народа,—поразительнымъ образомъ выразилось близкое родство всѣхъ обитателей обширнѣйшей на

¹) Сказано въ Кіево-Софійскомъ соборѣ прот. *М. Златоверховниковымъ*.

землѣ страны и внушительно проявилась великая сила великаго народа. Въ настоящее время у нашего народа по истинѣ «одно сердце и одна душа». И какъ мы счастливы, и какъ горячо должны Бога благодарить, что можемъ такъ сказать! Крѣпко стояніе такого народа въ настоящемъ,—славнымъ и многоплоднымъ представляется его будущее. Подобно вѣковому дубу, обновляющемуся каждою весною и постепенно возрастающему въ широтѣ и твердости, такой народъ постоянно увеличивается и крѣпнетъ и можетъ выдержать самыя жестокія бури и непогоды и пріютить и защитить всѣхъ ищущихъ тишины и покоя.

Кто же въ первопрестольномъ градѣ вызываетъ наши лучшія мысли, чувствованія и благопожеланія и привлекаетъ къ себѣ душу и сердце множества милліоновъ людей? Богоизбранный, Боговѣнчанный, Богопомазанный нашъ Государь Императоръ Николай Александровичъ и Супруга Его, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Назвали мы эти дорогія и священныя имена, и съ особенною теплотою и силою сказывается то чувство, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ чувствъ и отношеній къ царскому имени и достоинству,—которое стремительно несетъ насъ къ царскому престолу и твердо устанавливаетъ насъ въ предѣлахъ законности, долга, порядка и чести. Чувство это—любовь къ Царю. Оно также древне, какъ древня на Руси царская власть. Еще при Владимірѣ-язычникѣ любовь тѣсно связывала его съ народомъ, и этотъ послѣдній принялъ христіанство, главнымъ образомъ, по любви къ желавшему того князю. Христіанство оживотворило это чувство высшимъ понятіемъ о царской власти, какъ божественномъ установленіи, воспитало и развило его посредствомъ по-

вседневной церковной молитвы, нарочитыхъ церковныхъ торжествъ и церковнаго учительства, возвысило и освятило его посредствомъ важнаго священнодѣйствія коронованія и муропомазанія царей.

Вся исторія нашей Православной Церкви и нашего отечества только способствовала сохраненію и укрѣпленію въ народѣ самой искренней и трогательной любви. Всегда наши благочестивѣйшие Государи были вѣрными сынами Православной Церкви, ревностными охранителями ея законовъ и усердными пособниками ея распространенія и утвержденія, что было особенно по сердцу нашему набожному и почтительному къ Церкви народу. Своимъ отношеніемъ къ подданнымъ и служеніемъ отечеству наши государи покоряли сердца людей. Они всегда шли впереди своего народа и указывали ему путь къ постепенному развитію и совершенствованію,—радовались его успѣхамъ и сочувствовали его радостямъ,—вмѣстѣ съ нимъ и, несомнѣнно, чувствительнѣе его несли Богомъ посылаемый крестъ,—были кормильцами голодныхъ, утѣшителями несчастныхъ, защитниками обиженныхъ и опорою всѣхъ нуждающихся. Русскій царь всегда былъ отцемъ народа и питалъ къ нему отеческую любовь. Народъ сознавалъ, чувствовалъ, цѣнилъ это и исполнялся безграничной любовію къ своему отцу милостивому, дорогому батюшкѣ, красному солнышку. Молиться за царя, зрѣть его, стоять за него, свидѣтельствовать ему неизреченную любовь—было всегда насущною потребностью нашего народа,—и едва ли въ какой либо другой странѣ, не только въ наше время, но и когда нибудь, такъ сердечно, душевно и плѣнительно относились къ царю, какъ относился и относится къ нему нашъ народъ. Что произошло отъ того, всѣмъ извѣстно. Россія собралась вокругъ своего

царя любимаго, превозмогла всѣ трудности жизни, перенесла съ царемъ всѣ испытанія, трудилась надъ своимъ воспитаніемъ и благоустройствомъ и, благодаря милости и помощи Божіей, пришла въ то состояніе, въ которомъ теперь находится.

Милостивый всегда къ нашему отечеству, Господь въ настоящемъ столѣтіи благоизволилъ поставить на престолъ такихъ царей, которые заявили себя особенно горячо любовію къ своему народу и снискали необыкновенную любовь своихъ подданныхъ. Изъ нихъ особенно пришелся по сердцу, какъ человѣкъ сердца, какъ воплощенная любовь, олицетворенное добро, свѣтильникъ свѣта, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Рано закатилось это свѣтлое солнце. Но къ намъ взошло другое солнце, и мы видимъ и чувствуемъ, что Оно также свѣтло сіяетъ, также тепло и ласково грѣетъ, какъ свѣтило и грѣло закатившееся солнце.

Кто изъ насъ, благочестивые слушатели, не признаетъ справедливости сказаннаго? Съ первыхъ дней своего царствованія нашъ возлюбленнѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ, при каждомъ обращеніи къ своимъ подданнымъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, отечески свидѣтельствуетъ, что въ Немъ живетъ, Имъ руководитъ отличающая всѣхъ Его предковъ и особенно незабвеннаго Родителя Его любовь къ народу. По любви къ своему народу и для блага его, Онъ готовъ неустанно во всю жизнь трудиться; всѣмъ Онъ хочетъ доставить радость и возможное счастіе; всѣмъ хочетъ облегчить трудности жизни; всѣмъ оказать милость и снисхожденіе. Особенно широко и трогательно выразилась Его отеческая любовь по случаю радостнѣйшаго и высоко знаменательнаго св. коронованія и мѵропома-

занія Его. Почувствовавъ своимъ сердцемъ истинную и дѣйствительную любовь царя, народъ нашъ возлюбилъ Его всѣми силами своей души. Нужно ли описывать, какъ она выражается и проявляется? Господи! Ты поставилъ любовь въ основу всѣхъ заповѣдей и добродѣтелей. По отношенію къ царю своему мы преисполнены любви, и вѣруемъ и свидѣтельствуемъ, что она не оскудѣетъ въ насъ.

Вотъ и теперь мы торжественно заявляемъ ее. Въ радостный день жизни нашего Царя, въ день рожденія Супруги Его, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, мы, по чувству сыновней любви, собрались помолиться о благополучіи и счастіи нашего Царя и Царицы. Да даруетъ Имъ Господь все, что благопотребно для радостной, спокойной и долголѣтней жизни!

БЕСѢДА

при поминовеніи въ 40-й день кончины священника с. Трушекъ, васильк. уѣзда, Григорія Радзіевскаго (30 апр. 1896 г.).

Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи, новопреставленному рабу Твоему, священноіерею Григорію, и сотвори ему вѣчную память!

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ раздающихся еще въ ушахъ нашихъ словъ, которыми оканчивается молитвенное панихидное послѣдованіе объ усопшихъ, размыслимъ, бр., о значеніи, какое мы придаемъ словамъ этой церковной молитвы, въ память объ усопшемъ о. Григоріѣ, 40 дней назадъ скончавшемся. Что же означаютъ слова этой молитвы? Какая вѣчная память и у кого разумѣется здѣсь?

Этими словами Православная наша Церковь испрашиваетъ у Господа Бога своимъ почившимъ покойникамъ не только вѣчный покой за гробомъ, но и вѣчную память, т. е. вѣчное пребываніе усопшихъ здѣсь, на землѣ, въ живомъ сознаніи, въ памяти живыхъ людей: во 1-хъ, собратій—отцевъ и товарищей, близкихъ и знаемыхъ,—во 2-хъ, въ пямяти чадъ духовныхъ священника,—и въ 3-хъ, въ памяти плотскихъ чадъ—дѣтей его, изъ рода въ родъ.

Итакъ, во 1-хъ, молимся съ Церковью: *сотвори, Господи, вѣчную память рабу Божію св. іерею Григорію* въ живомъ сознаніи его братій—іереевъ; расположи, Господи, сердца ихъ такъ, чтобы они не забывали его и по смерти, а вспоминали бы всегда о немъ, *егда молитву творятъ ко Господу и поютъ псаломъ съ пѣснію аллилуіа*,—а особенно когда совершаютъ безкровную жертву на божественной литургіи. Для вѣчной памяти усопшаго священника, для вѣчной пользы души его, духовенству благочинія слѣдовало бы, согласившись между собою, предложить мѣстному благочинному, чтобы онъ, всякій разъ послѣ смерти собрата-священника, назначалъ бы каждому священнику въ извѣстный будничный день, у себя, въ своей приходской церкви, прослужить заупокойную литургію одну, или двѣ, по новопреставленномъ собратѣ, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы въ продолженіи 40-хъ дней безпрерывно, по очереди, совершалась о душѣ умершаго собрата молитва къ Богу духовъ и всякія плоти. Не правда ли, оо., всякій изъ насъ, вѣрующій въ загробную жизнь и силу молитвъ Церкви, не полѣнился бы выполнить это доброе и святое дѣло любви къ ближнему? *Какою мѣрою мѣрите другимъ, такою мѣрою возмѣрится и вамъ*. Хотя это у насъ, къ сожалѣнію, не въ обычаѣ, но слѣдовало бы

такой добрый обычай завести и у себя.—Потомъ, еще сотворимъ вѣчную память о покойномъ о. Григоріѣ, ожививъ въ себѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ, образъ этого высокоуважаемаго собрата нашего, т. е. тѣ нравственныя черты его жизни и характера, которыя составляютъ неотъемлемое достояніе его въ вѣчности,—составляютъ вѣнецъ и награду предъ лицемъ Божіимъ. Долгъ и приличіе требуетъ говорить о покойникѣ или хорошо, или ничего. Но, о покойномъ о. Григоріѣ, мы, слава Богу, ничего худаго и не можемъ сказать, потому что онъ былъ образцовый, примѣрнѣйшій священникъ, великій труженикъ и въ школѣ и въ жизни. Вотъ предъ нами возстаетъ образъ духовнаго воспитанника 40-хъ годовъ, бѣднаго, смиреннаго, скромнаго сына сельскаго діакона, бѣдненько одѣтаго, но богато одареннаго природными способностями, выдающагося между товарищами своимъ трудомъ и прилѣжаніемъ,—отличаемаго начальствомъ училищнымъ и семинарскимъ и аттестуемаго, какъ ученикъ способнѣйшій и отлично успѣвающій въ наукахъ, обязаннаго единственно самому себѣ, своимъ стараніямъ, труду упорному, въ окончаніи семинарскихъ наукъ со степенью студента. „Созрѣвъ въ семинаріи, какъ сѣмена (semen) хлѣбныя въ колоссѣ", и подготовившись къ пастырскому званію священника, онъ, по выборѣ себѣ невѣсты и подруги жизни, дѣлается, по волѣ архипастырской, священникомъ сначала въ г. Васильковѣ при соборной церкви, а потомъ на селѣ—въ с. Трушкахъ, васильковскаго уѣзда, гдѣ застали мы его. И вотъ, въ лицѣ покойника, возстаетъ предъ нами одинъ и тотъ же живой и величавый образъ священника съ солиднымъ всегда видомъ, важною осанкою, съ блѣдноватымъ, худощавымъ лицомъ, со строгимъ взглядомъ, съ твердымъ и властнымъ голосомъ

и солидною, плавною рѣчью,—образъ вѣрующаго христіанина, отличавшагося отъ всѣхъ насъ священниковъ, помните, чѣмъ?—нелицемѣрнымъ и всегдашнимъ исполненіемъ одного благочестиваго древняго русскаго обычая: при входѣ въ домъ вашъ, прежде чѣмъ привѣтствовать хозяина дома, о. Григорій, бывало, обратится къ иконамъ, истово и важно перекрестится, воздастъ честь Творцу міра, а потомъ уже и хозяину—поклонъ, привѣтствіе и братское цѣлованіе. Какъ старѣйшій по лѣтамъ и по должности, о. Григорій всѣми былъ глубоко уважаемъ, какъ первый и примѣрнѣйшій священникъ. Не только собратья цѣнили его, но и епархіальное начальство отличало возведеніемъ въ разныя должности: помощника благочиннаго, благочиннаго, около 12-ти лѣтъ, и до смерти—духовнаго слѣдователя, а также—и наградами, возможными для сельскаго священника,—и порученіемъ ему слѣдственныхъ дѣлъ самыхъ запутанныхъ и темныхъ, которыя о. Григорій, съ свойственнымъ ему опытностію и умѣніемъ, всегда выполнялъ, какъ нельзя лучше, основательно и обстоятельно. Какъ сосѣдъ, онъ былъ самый подѣльчивый, добрый, сочувственно отзывающійся на всякія случаи, бывающіе въ жизни человѣка, не только радостные, но и горестные,—человѣкъ въ высшей степени благородный, вѣжливый, невступавшій никогда ни съ кѣмъ въ непріязненныя и враждебныя отношенія, недоходившій никогда до мщенія своему недругу, еслибы онъ и былъ у него: кромѣ того, онъ былъ—человѣкъ очень образованный, начитанный, любившій самообразованіе; онъ щедро выписывалъ журналы и свѣтскіе и духовные, хотя, впрочемъ никогда не удовлетворялся внутреннимъ ихъ содержаніемъ,—вѣчно желалъ чего то лучшаго,—жаждавшій чего-то совершеннѣйшаго, что приближалось

бы къ его идеалу, имъ составленному; онъ наполнялъ свою церковную библіотеку всякими отборными книгами по части богословія, гомилетики и проч., какихъ, нужно признаться, нѣтъ ни у кого изъ насъ; онъ настаивалъ, во время своей благочиннической должности, на выпискѣ во всѣ церковныя библіотеки: Библіи съ параллельными мѣстами, Правилъ апостольскихъ и св. соборовъ и другихъ символическихъ книгъ, необходимыхъ въ церкви для каждаго пастыря. О. Григорій любилъ. бывало, не только прочитать книгу и усвоить ея содержаніе, но и обдумать за и противъ, претворить въ плоть и кровь прочитанное и обдуманное. Первымъ удовольствіемъ его было, когда появится въ домъ его любознательный гость, подѣлиться своимъ богатствомъ духовнымъ,—не только угостить пищею тѣлесною, въ чемъ онъ былъ большой и радушный хлѣбосолъ, но и духовною пищею, въ чемъ онъ былъ тоже единственный у насъ человѣкъ,—единственный въ томъ отношеніи, что умѣлъ, съ знаніемъ дѣла, стоять на высотѣ своего призванія,—всегда умѣлъ повести разговоръ объ избранномъ предметѣ, обсудить его со всѣхъ сторонъ, со вниманіемъ, съ логически строгою послѣдовательностью мыслей,—и такъ ораторствовать могъ бы онъ цѣлые часы, лишь бы были слушатели. И изумляешься, бывало: сколько въ этой, кажется, не большой головѣ, заключается богатыхъ мыслей, плановъ самыхъ разнообразныхъ, идей самыхъ свѣтлыхъ, высокихъ!.. Любилъ, бывало, покойный о. Григорій, для оживленія гостей и уясненія вопроса, брать на себя отрицательную сторону предмета; ставилъ вопросы кичливо-философствующаго ума человѣческаго, возносящагося на разумъ Христовъ, и сообща рѣшалъ намѣченные вопросы. И если, бывало, отвѣтчикъ защищаю-

щій истину Христ. ученія и Православной церкви, не найдется, забудетъ какое нибудь вѣское опроверженіе противъ лжеименнаго разума, покойный о. Григорій, съ обычною своею снисходительностію, безъ гордой побѣдоносной кичливости, придетъ на помощь, восполняетъ въ сознаніи или текстъ какой изъ Слова Божія, опровергающій вполнѣ возражателя, или напоминаетъ другой какой аргументъ и объясненіе такое, что и возражатель и оппонентъ останутся довольны собою и рѣшеніемъ вопроса подлежащаго обсужденію. Въ длинныя ночи, въ которыя мы, сосѣди священники, только и могли, при обязанностяхъ священника и сельскихъ хозяевъ, да и привыкли, бывало, собираться одинъ къ другому, для взаимнаго общенія и освѣженія не только тѣлеснаго на чистомъ воздухѣ, но и душевнаго, въ разговорѣ, бесѣдѣ другъ съ другомъ,—отъ о. Григорія чего не наслушаешься,—многаго полезнаго и хорошаго!.. Только не любилъ о. Григорій, когда другіе мѣшали его бесѣдѣ громкими сторонними разговорами; онъ хотѣлъ внѣдрить передуманное имъ въ умы и сердца другихъ. Анекдотовъ, какихъ нибудь не приличныхъ, которыми нѣкоторые любятъ потѣшать себя и общество, покойный никогда не позволялъ себѣ въ обществѣ воспроизводить, хотя, можетъ быть, ему и приходилось не разъ слушать ихъ; равно,—осуждать, насмѣхаться надъ ближними, особенно своими собратіями, о. Григорій терпѣть не могъ, слѣдуя словамъ Господа: „*не судите, да не судими будете*“.

Какъ благочинный, покойный навсегда и у всѣхъ оставилъ по себѣ добрую память,—какъ начальникъ, хотя и строгій, но въ сущности добрый, снисходительный, старавшійся исправлять погрѣшности подчиненныхъ, безъ вреда оффиціальному ихъ положенію. Бы-

вало, какой священникъ не представляетъ о. Григорію требуемыхъ свѣдѣній и отчетовъ, послѣ напоминанія,— о. Григорій, наконецъ, самъ ѣдетъ къ нему,—узнаетъ въ чемъ дѣло, почему невыполнено его требованіе,—заставитъ сейчасъ исполнить,—и виновный, со стыдомъ и извиненіемъ, выполняетъ требуемое. Пробрать строго, со властію, резонно, по отцовски, проберетъ, бывало, покойный, какъ благочинный, низшаго члена причта виноватаго въ нерадѣніи, небрежности по должности, или же за нечистоту церкви церковнаго старосту,—при объѣздѣ по церквамъ, для ревизіи; но отдать подъ судъ, или вредить виноватому и невинной семьи его, доносомъ начальству - не любилъ о. Григорій,—старался самъ благоустроять на мѣстѣ, по данной ему власти и инструкціи благочиннической,—старался предупреждать всякіе проступки, не давать злу распространяться,—не губилъ, какъ самаго совершителя зла, такъ и сопричастныхъ ему. Однимъ словомъ, почившій о. Григорій оставилъ по себѣ добрую память, какъ строгимъ исполненіемъ обязанностей своего пастырскаго званія и должностей, вручаемыхъ ему, такъ и вообще честностію, искренностію, сердечностію, добротою, готовностію каждому услужить умнымъ практическимъ совѣтомъ; онъ отличался и рѣдкимъ безкорыстіемъ, довольствовался отъ прихожанъ своихъ вознагражденіемъ за трудъ, кто сколько дастъ,—такъ и при исполненіи своей благочиннической должности получалъ на канцелярскіе и другіе расходы самое ничтожное вознагражденіе: два—три рубля въ годъ. Скажемъ не обинуясь о почившемъ: это былъ колосъ зрѣлый, добрый, полный, срѣзанный рукою Господа въ небесную Его житницу, послѣ надлежащаго приготовленія его къ смерти таинствами: елеосвященія, неоднократнаго и

искренняго покаянія и причащенія Св. Тѣла и Крови Господней,—и вдобавокъ послѣ предсмертныхъ, тяжелыхъ страданій. За что это онъ терпитъ? спрашивали многіе, видя его тяжкія муки предсмертныя. „За наслѣдованный всѣми нами грѣхъ прародителей нашихъ, отвѣчаютъ учители Церкви,—за грѣхъ, отъ приражденій коего не свободны и лучшіе изъ людей". И не для сожженія ли неизбѣжныхъ въ земномъ порядкѣ, на самой доброй нивѣ, плевелъ допустилъ Господь временный огонь страданій предсмертныхъ, вытерпѣнныхъ покойникомъ?.. Подай же, Господи, усопшему рабу Твоему, послѣ смерти его, съ вѣчною памятію между собратіями его на землѣ, и вѣчный покой на небѣ.

2) *Паки молимся: сотвори, Господи, вѣчную память о. Григорію и между его чадами духовными.* Чада его—прихожане, для которыхъ онъ трудился цѣлыхъ 30 лѣтъ, уча всѣхъ, какъ въ церкви, такъ и въ школѣ, и въ домахъ, которыхъ не чуждался онъ,—посѣщалъ, по приглашенію, даже и во время свадебъ, не говоря о многочисленныхъ поминальныхъ обѣдахъ на панихидахъ, училъ такъ, какъ могъ учить только о. Григорій,—живымъ словомъ, прочувствованнымъ,—твердымъ и властнымъ голосомъ, заставлявшимъ всякаго вслушиваться,—должны его помнить долго. Впрочемъ, братіе и прихожане святаго храма сего, почтившіе своимъ присутствіемъ во множествѣ, не смотря на рабочій день, храмъ и могилу покойнаго, въ сей 40-й день его смерти, вы и не требуете, чтобы васъ учили имѣть вѣчную память о вашемъ бывшемъ незабвенномъ пастырѣ. Ваша память объ о. Григоріѣ всегда съ похвалами,—вы относились къ нему, вы и теперь относитесь къ его семьи сочувственно, съ любовію,— „готовы и очи свои дать выколоть за батюшку". Мы

слыхали, что когда распространился слухъ о другомъ священникѣ, который хотѣлъ бы занять мѣсто о. Григорія, вы, какъ одинъ человѣкъ, обратились всѣ единодушно къ своей „матушкѣ старой“ съ просьбою—посовѣтовать, что дѣлать имъ, потому что они „такъ уважаютъ покойника, такъ его любятъ, и помнятъ его ласку, доброту и его труды, что готовы всѣмъ обществомъ ѣхать къ митрополиту просить оставить у нихъ священникомъ сына покойнаго о. Григорія, бывшаго у нихъ 5 лѣтъ учителемъ въ школѣ, о. Леонида“. И только увѣренія, что святитель милостивый и справедливый, Богъ дастъ, и безъ особыхъ просьбъ и ходатайствъ, уважитъ предсмертную просьбу умершаго и, для поддержанія семьи, состоящей изъ 3 душъ, требующихъ еще содержанія и воспитанія, устроитъ согласно ихъ желанію,—успокоили васъ. Такъ велика ваша народная любовь къ о. Григорію! Да и неудивительно: вѣдь онъ до самой почти смерти, не жалѣя себя, не смотря на свой недугъ (порокъ сердца), до 61 года своей жизни, трудился—для кого? Для васъ прихожанъ. Семьѣ онъ оставилъ только жаль великій и печаль о немъ. Лелѣя въ себѣ постоянно мысль о постройкѣ новой, просторной церкви, въ которой могли бы помѣщаться прихожане въ дни праздниковъ, покойный о. Григорій выхлопоталъ планъ новой церкви, широкозадуманной на 22 тысячи, собралъ для сего тысячъ до 12 денегъ, остальное общество обязалось добыть по приговору и раскладкѣ,—сдѣлалъ контрактъ съ подрядчикомъ, думалъ уже приступить къ дѣлу созиданія церкви съ юношескимъ жаромъ; но Богъ рече ему и ему подобнымъ труженникамъ: „*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы*; т. е. довольно вы уже потрудились, а потому Я дамъ вамъ покой;

потрудились уже вы довольно, пусть же ваши дѣти продолжатъ и докончатъ начатое вами!“ И вотъ, болѣзнь пошла скорымъ шагомъ и довела о. Григорія до могилы, до смерти,—въ самый день смерти и погребенія Господня, въ великую пятницу. Да воскреситъ же Господь и вѣрнаго раба своего, на радость ему и чадамъ его, какъ духовнымъ, такъ и плотскимъ!

Наконецъ, въ 3-хъ, возглашая почившему о. Григорію вѣчную память, мы молимся этими словали и о живущихъ его чадахъ плотскихъ: объ ихъ здравіи и долгоденствіи, изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе,—чтобы во вѣки не переводился родъ ихъ, и во вѣки не переводилась въ нихъ молитва и память объ отцѣ ихъ. Да будетъ же сынъ о. Григорія, пріемникъ, съ благословенія архипастырскаго, его священническаго прихода,—преемникомъ его трудовъ и дѣла предстоящаго ему—созиданія церкви вещественной, храма новаго, и церкви невещественной—душъ христіанскихъ! Да узритъ онъ со всѣми братьями своими и сестрами *сыны сыновъ своихъ*, *яко новосажденія масличная окрестъ трапезы своея*, и да помнятъ они всѣ: и внуки и правнуки своего дѣда и отца Григорія и да молятся выну Господу объ упокоеніи его въ царствіи небесномъ со духи праведными. Мы же, отцы и братія, въ сей важный для о. Григорія—40-й день, *паки и паки миромъ Господу помолимся*, да будетъ преставленіе души его сегодня, въ 40-й день, со св. ангелами ко Господу безбоязненное, какъ къ Милосерднѣйшему Отцу небесному, и да будетъ мѣсто послѣдняго упокоенія, назначеннаго ему Богомъ, безпечальное, безболѣзненное, вѣчно блаженное! Аминь.

Свящ. *З. Гребенѣтскій.*

Священной памяти св. князя Владиміра.

Красуясь дивно надъ просторомъ,
Князь благовѣрный и святой,
Съ крестомъ въ рукѣ, съ поднятымъ взоромъ
Стоитъ Владиміръ надъ горой.
    У ногъ его, сребромъ сверкая,
    Какъ и въ древнѣйшіе вѣка,
    Купель Россійская святая,
    Течетъ могучая рѣка.
Несетъ она спокойно волны
Къ морской далекой глубинѣ..
Онѣ воспоминаній полны
О нашей Русской старинѣ...
    Сойдемъ же внизъ и ставъ у брега,
    Начнемъ внимать разсказамъ ихъ:
    И про Аскольда, и Олега,
    И Святослава, и другихъ...
Припомнимъ съ ними вѣкъ суровый,
Когда Россійская страна,
Не зная Истины Христовой,
Была во мракъ погружена.
    Ужасно вспомнить это время,
    Съ трудомъ вращается языкъ.
    Влача бродячей жизни бремя,
    Нашъ предокъ былъ и грубъ и дикъ,
При страшномъ мракѣ ложной вѣры,
Царила злоба и вражда,
И люди жили—словно звѣри,
Не видя мира никогда.
    Границъ и мѣръ враждѣ и мщенью
    Не знали въ дикости своей
    И часто къ жертвоприношенью
    Влачили собственныхъ дѣтей.
Подобный образъ жизни дикой
До тѣхъ поръ на Руси царилъ,

Пока Владиміръ, князь Великій
Христову Вѣру насадилъ.
Какая сразу перемѣна
Была межъ русскими видна,
Когда отъ идольскаго плѣна
Освободилася страна!
Мракъ исчезалъ... смягчались нравы;
То Вѣры истинной былъ плодъ.
И для могущества и славы
Перерождался нашъ народъ.
Текли вѣка, являлись бѣды:
Татары, нѣмцы, шведъ, литва...
Хранили Вѣру наши дѣды;
Найболѣ жъ славная Москва...
Имъ Вѣра крѣпостью служила;
Для нихъ отрадою былъ храмъ.
Святая Вѣра Русь хранила,
А съ Вѣрой преданность царямъ.
Теперь великою державой
Явилась Русская страна.
Своимъ могуществомъ и славой
Извѣстна каждому она.
Всѣмъ изобильна и богата,
Какъ и заморскіе края.
Ея былые супостаты
Теперь враги ей иль друзья.
Вмѣстивъ часть пятую вселенной,
Она какъ грозный великанъ,
Стоитъ на высотѣ почтенной
Среди другихъ на свѣтѣ странъ.
Внимая Божьему завѣту,
Какъ христіанская страна,
Подчасъ всему земному свѣту
Даритъ покой и миръ она.
Тамъ, гдѣ свершиться ужъ готово
Несчастье для иной страны,

Одно Царя Россіи слово
Удерживаетъ отъ войны.
Всякъ помнитъ твердо, что обязанъ
Такою честью край родной
Святому князю, съ коимъ связанъ
Онъ тѣсно благостной судьбой.
Припомни времена былыя
И благодарностью горя,
Прославь Владиміра, Россія,
Молитву Богу сотворя!

Свящ. *Іаковъ Ганицкій.*

У памятника св. равноапостольнаго кн. Владиміра.

(Дума).

Стою на уступѣ горы, надъ Подоломъ,
На Днѣпръ величавый съ восторгомъ гляжу;
Стою въ настроеніи духа веселомъ
И въ воображеньи былое бужу.
Вотъ памятникъ князю Владиміру!.. стройно
Онъ высится къ небу съ Михайловскихъ горъ,
А тамъ, за рѣкою, текущей покойно,
Луговъ заднѣпровскихъ зеленый коверъ.
А тамъ ужъ пески, да селенья виднѣютъ,
Какъ пятна на зелени, дальше лѣса,
Въ дали необъятной, сгустившись, темнѣютъ,
Гдѣ кажутся слиты съ землей небеса.
Стою на уступѣ горы, надъ Подоломъ,
На Днѣпръ величавый съ восторгомъ гляжу;
Стою въ настроеніи духа веселомъ
И въ воображеньи былое бужу.

* * *

Ужъ девять столѣтій съ тѣхъ поръ пролетѣло,
Какъ въ Кіевѣ, градѣ, Владиміръ жилъ-былъ.

Мужей достославныхъ Русь много имѣла;
Всѣхъ краше въ народѣ Владиміръ прослылъ.
Язычникъ—и ревностный даже сначала,
Потомъ христіанинъ... теперь ужъ святой;
Такъ тьма заблужденій съ очей его спала
И къ свѣту онъ вышелъ пытливой душой.
Разсудкомъ и сердцемъ, какъ то подобало—
Онъ истину принялъ и ею плѣненъ;
Онъ Русь покорилъ ей; въ немъ чувство дышало,
А съ сердцемъ былъ разумъ его соглашенъ.
Натура широкая въ князѣ сказалась...
Любилъ онъ пиры со дружиною весть;
Имъ кровь человѣчья не разъ проливалась
И ради кумирослуженья, и въ месть.
О, да, въ немъ сказалась натура Славяновъ,
Натура широкая,—русскій, вѣдь, былъ!
И въ жертву болванамъ, изъ вѣры въ болвановъ,
Имъ чтимыхъ, онъ кровь человѣчью пролилъ.
Такъ чтилъ онъ Перуна, прельщенный бѣсами...
Но созданный имъ же, славянскій сей богъ,
Съ главою сребряной, съ златыми усами,
Затмить въ немъ разсудка и сердца не могъ.
Порою въ кумирню спѣшилъ князь, ревнуя,
Какъ истый язычества жрецъ;
Порой изъ кумирни онъ шелъ, негодуя
Сомнѣнія полнъ; наконецъ,
Разсудку и сердцу слѣдуя строго,
Придти ко Христу, князь, Владиміръ, съумѣлъ,
А сердцемъ сознавъ въ Спасителѣ—Бога,
Онъ мыслей очами чудесно прозрѣлъ.
Слѣпецъ былъ... вдругъ—зрячій!... понеже омылся
Крещеніемъ въ Вѣру и правду Христа.
Онъ Руси апостоломъ новымъ явился,
И вотъ, предо мною лежатъ тѣ мѣста:
Гдѣ Русь окрестилась, а небо согласно
Съ землей ликовало, какъ Несторъ, монахъ,

О томъ намъ, потомкамъ, передалъ прекрасно
Въ немногихъ, поэзіи полныхъ, словахъ.
И краснаго солнышка, чуднымъ названьемъ,
Владиміра князя, недаромъ, народъ
Называлъ, какъ мы знаемъ о томъ по сказаньямъ
Былиннымъ, и пѣснямъ. И, какъ, вѣдь, идетъ
Къ Владиміру князю названье такое,
Характеризуя его такъ свѣтло!
Руси просвѣтитель, что солнце златое;
Руси сообщилъ онъ и свѣтъ, и тепло.
Язычества темная ночь миновала,
Разсвѣтъ христіанства для Руси насталъ;
Старинныхъ божествъ и кумировъ не стало,
Смѣнилъ ихъ святѣйшій Христа идеалъ!
Но Русь, просвѣтившись и ставши пространнѣй,
Съ тѣхъ поръ, какъ Владиміръ тебя освятилъ—
Въ Днѣпрѣ, передъ прежней ты стала-ль гуманнѣй,—
Ужъ свѣточа Вѣры стрибогъ не затмилъ?..
Да, самъ просвѣтитель, Владиміръ крещенный,
Крещенному міру явилъ образецъ,
И вѣрѣ Христовой крестомъ наученный,
Въ себѣ истребилъ онъ жестокость въ конецъ,—
Прозрѣвши, что правдой, отъ вѣка до вѣка,
Преступнымъ признается всяческій гнетъ,
И позоръ человѣку—что для человѣка
Насилія цѣпи въ быту создаетъ!

*

Стою на уступѣ горы, надъ Подоломъ,
На Днѣпръ величавый съ восторгомъ гляжу;
Стою въ настроеніи духа веселомъ
И въ воображеньи былое бужу.

Ник. Слуцкій.

Объ улучшеніи быта духовенства.

Въ послѣдней статьѣ своей въ «Русскомъ Обозрѣніи» С. А. Рачинскій говоритъ, между прочимъ: «предпринятое уже улучшеніе матеріальнаго положенія нашего духовенства принесетъ свои плоды, лишь когда обезпеченіе причтовъ будетъ доведено до минимума, ставящаго ихъ внѣ зависимости отъ платы за требы обязательныя». Вотъ настоятельнѣйшая и первѣйшая забота о матеріальной сторонѣ дѣла истиннаго народнаго просвѣщенія; вотъ что нужно народу нашему, въ цѣляхъ просвѣтленія его духа отъ надвигающагося мрака матеріализма, а не принудительное обученіе грамотѣ и не спѣшное учрежденіе какъ можно большаго числа школъ, безъ размышленія о томъ, кто и какъ будетъ учить въ нихъ.

Давно пора намъ сознать, что просвѣщеніе народной массы возможно лишь однимъ путемъ—путемъ религіозно-нравственнаго воспитанія ея подростающаго поколѣнія и постояннаго, непрерывнаго и ближайшаго воздѣйствія Церкви и ея пастырей на духовную жизнь народа. Грамотность не можетъ быть сама по себѣ цѣлью обученія, а составляетъ лишь средство и при томъ средство не для познанія наукъ, недоступныхъ народной массѣ, по матеріальнымъ условіямъ ея быта, а средство для развитія вѣры и любви, которыя всегда были живы и дѣятельны въ народѣ; поэтому начальное народное обученіе есть отрасль дѣла церковнаго, которую нельзя выдѣлить изъ прямаго и непосредственнаго вѣдѣнія церковной іерархіи, и забота о матеріальномъ обезпеченіи и подъемѣ нравственнаго и умственнаго уровня приходскаго духовенства должна быть разсматриваема, какъ первѣйшая и настоятельнѣйшая нужда народнаго образованія. А между тѣмъ то ли мы видимъ ежедневно вокругъ себя? Нѣтъ газетнаго листка, который бы не распинался за народное образованіе, нѣтъ затрапезнаго оратора, который бы кстати и не кстати не уснащалъ своей рѣчи банальными фразами о просвѣщеніи массъ; наконецъ, нѣтъ общественнаго собранія, которое не дѣлало бы постановленій по этому предмету... Но вся эта агитація, всѣ эти заботы въ основѣ своей стоятъ на ложной почвѣ: пытаются построить зданіе національной

народной школы внѣ Церкви, независимо отъ нея и лишь поневолѣ уступаютъ громкимъ требованіямъ привычки, традицій и «предразсудковъ», сохраняя съ Церковью чисто внѣшнюю, формальную связь. Земскія учрежденія тратили и тратятъ не мало общественныхъ средствъ на дѣло народнаго образованія, но они начали его не съ того конца; у нихъ не находилось средствъ для улучшенія положенія сельскаго приходскаго духовенства,—для того, чтобы дать ему досугъ и возможность заняться народною школой, и въ то же время нашлись средства для того, чтобы въ лицѣ сельскихъ учителей создать цѣлый новый классъ людей, можетъ быть не менѣе многочисленный, чѣмъ все духовенство.

На дняхъ Н. Н. Вессель въ «С.-Петербургск. Вѣдом.» вновь коснулся вопроса объ улучшеніи положенія сельскаго духовенства. Вопросъ этотъ нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ. Положеніе Государственнаго казначейства значительно улучшилось за послѣдніе годы, и это даетъ основаніе думать, что для дѣла истиннаго народнаго просвѣщенія въ матеріальномъ отношеніи наступаетъ болѣе или менѣе благопріятное время. Принимая во вниманіе это обстоятельство, и указывая на то, что, за исключеніемъ окраинъ, наши священники получаютъ большею частью по 100 руб. казеннаго содержанія въ годъ, да и то еще не во всѣхъ великорусскихъ епархіяхъ, авторъ предлагаетъ увеличить это содержаніе хотя бы до 300 рублей, при обработкѣ церковно-священнической земли прихожанами.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не признать, что нынѣшнее содержаніе духовенства отъ государства совершенно ничтожно и не можетъ обезпечить причты минимумомъ ставящимъ ихъ «внѣ зависимости отъ платы за требы обязательныя», какъ того желаетъ профессоръ С. А. Рачинскій. А между тѣмъ какимъ тяжелымъ гнетомъ ложится на пастыря духовнаго эта нерѣдко безъисходная необходимость—брать вознагражденіе за требоисправленіе съ бѣдныхъ и необезпеченныхъ прихожанъ и какъ этимъ подрывается въ глазахъ послѣднихъ значеніе священническаго сана.

Настоятельная необходимость улучшить матеріальное положеніе духовенства, въ особенности сельскаго, настолько очевидна,

что принципіальные противники какихъ бы то ни было взаимоотношеній между Церковью и государствомъ, охотно дошедшіе бы до ихъ полнаго разъединенія, прибѣгаютъ къ явно-несостоятельнымъ доводамъ противъ ассигнованія государственныхъ средствъ на улучшенія быта духовенства. Они увѣряютъ, что казенное содержаніе подорветъ связь священнослужителей съ приходомъ, что священникъ, матеріально болѣе или менѣе независимый отъ своихъ прихожанъ, превратится въ своего рода чиновника, далекаго отъ жизненныхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ своихъ прихожанъ и относящагося къ своимъ обязанностямъ формально и бездушно.

Прежде всего представляется нѣсколько страннымъ, что такіе доводы примѣняются исключительно лишь къ служителямъ Церкви: вѣдь въ положеніи, имѣющемъ съ ними много общаго, находятся въ отношеніи населенія и нѣкоторые другіе дѣятели. Возьмите, напримѣръ, земскаго участковаго врача, или школьнаго учителя; вѣдь нельзя отрицать, что для успѣшности ихъ дѣятельности между ними и населеніемъ также необходима и духовная и матеріальная связь, однако никому не приходитъ въ голову для подкрѣпленія этой связи лишить врачей и учителей содержанія. Кромѣ того, никто не предлагаетъ совершенно лишить причты сборовъ съ прихода, и вопросъ идетъ лишь объ обезпеченіи сельскому духовенству того минимума содержанія, при отсутствіи котораго священнослужители могутъ терпѣть нужду и бѣдность, лишающія ихъ времени и силъ для пастырской и проповѣднической дѣятельности. Наконецъ, опытъ какъ нашихъ окраинъ—напр., епархій литовской, рижской и холмско-варшавской,—въ которыхъ православные священники получаютъ до 1500 руб. въ годъ, такъ и другихъ странъ, показываетъ, что прочный и въ извѣстной мѣрѣ независимый матеріальный бытъ духовенства составляетъ необходимую основу его плодотворной просвѣтительной дѣятельности.

Г. Вессель вычисляетъ, что для того, чтобы дать всѣмъ православнымъ священникамъ Россіи не менѣе 300 руб. содержанія, пришлось бы увеличить смѣту ежегодныхъ расходовъ по вѣдомству Святѣйшаго Синода на 7.400.000 руб. въ годъ. Дай Богъ, чтобы

возможно скорѣе нашлись эти средства, такъ какъ подобная жертва со стороны государства была бы по истинѣ жертвой на пользу народнаго просвѣщенія. («Моск. Вѣд.»).

О неправильностяхъ записи именъ въ „поминаніяхъ" и средствахъ къ ихъ исправленію.

Всякій, кому приходится читать приносимыя народомъ въ храмъ поминанія, хорошо знаетъ, въ какомъ крайне печальномъ состояніи находятся они. Въ нихъ не соблюдается должнаго порядка въ записываніи именъ: священники, архіереи, цари—императоры записываются послѣ многихъ именъ мірскихъ людей. Пишутся поминанія большею частію полуграмотными людьми, а потому нерѣдко случается, что нѣтъ никакой возможности прочитать дурно написанное имя. Тѣмъ труднѣе бываетъ разобрать, что неграмотные писцы часто пропускаютъ буквы и пишутъ имена по народному произношенію. Эти обстоятельства дѣлаютъ приносимыя самодѣльныя, такъ сказать, поминанія весьма неудобными для употребленія при богослуженіи. Вслѣдствіе несоблюденія порядка въ записи, священнику или діакону приходится въ послѣднихъ поминать тѣхъ, поминовенія которыхъ должны предшествовать всѣмъ. А вслѣдствіе неразборчивости записи, приходится иногда ошибаться, произносить не тѣ имена, какія записаны. Иногда же просто приходится со смущеніемъ совсѣмъ остановиться при чтеніи поминанія, по невозможности прочитать написанное. Особенно же дурно въ поминаніяхъ то, что имена въ нихъ возмутительно искажаются. Напр., пишутъ: «Ерины, Перфила, Миколы, Демьяна, Дементія, Ситлитеи, Панфера» и прочее тому подобное. Иногда же встрѣчаются уменьщительныя и ласкательныя имена: Сашу, Пашу и проч.

Во всѣхъ подобныхъ записяхъ нелегко, иногда даже невозможно догадаться, кого собственно нужно помянуть. Напр., написано: Пашу, Сашу. Кого помянуть? Паша называется Павелъ и Параскева, а Сашею называется и Александръ и Александра. Или написано: Панферъ. Парѳеній и Порѳирій одинаково народомъ

измѣняется въ Панфера. Кромѣ того, что отъ подобныхъ искаженій поминанія, неудобныхъ для употребленія при богослуженіи, эти самыя искаженія—грѣхъ, такъ какъ имена эти суть имена, которыя принадлежатъ святымъ, впервые ихъ носившимъ.

Поминанія, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по употребленію могутъ быть названы въ нѣкоторомъ смыслѣ богослужебными книжицами. На нихъ дѣлаются изображенія св. креста, внутри влагаются различныя священныя изображенія. Они вносятся во св. алтарь, читаются во время Божественной литургіи предъ св. престоломъ. Поминаніе—записать на память потомству жившихъ на землѣ предковъ. Все это дѣлаетъ поминаніе книжицею важною для христіанина и заставляетъ смотрѣть на нее съ уваженіемъ. Посему, если нежелательна небрежность писанья поминаній по тому неудобству, какое происходитъ отъ сего, при употребленіи ихъ во время богослуженія, то тѣмъ болѣе нежелательна такая небрежность по важному значенію поминанія, какъ богослужебной книжицы и записи именъ предковъ. Какъ же помочь горю и пособить нуждѣ народа, когда въ немъ мало людей грамотныхъ, а больше или совсѣмъ неграмотные, или полуграмотные? Намъ думается, что церковно-приходскія школы могли бы въ этомъ случаѣ оказать помощь, если бы онѣ взяли на себя трудъ писать поминанія для народа. Взять же имъ этотъ трудъ на себя весьма прилично не только потому, что онѣ церковно-приходскія и обязаны способствовать лучшему религіозному состоянію и просвѣщенію народа Православной Церкви, но и потому, что программою ихъ полагается практическое ознакомленіе учениковъ съ церковнымъ мѣсяцесловомъ (см. программу церков.-славянской грамоты). Исправленіе поминаній и переписка ихъ дадутъ возможность именно практически ознакомить учениковъ съ церковнымъ мѣсяцесловомъ.

Поминанія, по желанію дающихъ, въ школѣ могутъ переписываться скорописью и полууставомъ. Нельзя однако не замѣтить, что поминанію болѣе приличествуетъ полууставное письмо. Школа съ охотою готова удовлетворять просьбы о перепискѣ поминаній, сѵнодиковъ и пр. не только отъ прихожанъ, но и отъ кого угодно, насколько, конечно, позволятъ силы школы и школьныя занятія учениковъ. Исполненіе письма можетъ производиться подъ руко-

водствомъ учителей чистописанія и полууставнаго письма, а за правильностью писанія именъ можетъ наблюдать законоучитель, или его помощникъ. Подобныя занятія имѣютъ свое значеніе для школьныхъ занятій: 1) дадутъ возможность пріучить учениковъ къ правильности произношенія и писанія именъ; 2) заставятъ учениковъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ полууставному письму, которое есть древнее русское, красивое и изящное, но, къ сожалѣнію, забытое въ послѣднее время письмо. Кромѣ того, 3) удовлетвореніе этихъ просьбъ со стороны простаго народа, обращенныхъ къ школѣ, дастъ ей возможность, по мѣрѣ своихъ силъ, совершать доброе дѣло служить Богу и ближнимъ, а бѣдному люду эти занятія школы дадутъ возможность имѣть правильно написанныя и и свои собственныя имена, и имена своихъ предковъ, и будутъ ограждать его отъ невольнаго грѣха—кощунственнаго искаженія именъ святыхъ. («Курск. Еп. Вѣд.»).

О продажѣ церковныхъ свѣчей въ церквяхъ.

Всѣ ли мѣры исчерпаны для того, чтобы нашъ епархіальный свѣчной заводъ функціонировалъ съ надлежащею пользою для себя и для церкви?

Приняты мѣры, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы всѣ церкви получали свѣчи исключительно отъ епарх. свѣчнаго завода. Мѣра, разумѣется, весьма важная, обусловливающая собою возможность и самаго существованія епарх. свѣч. завода. Но, не смотря на всю свою важность, мѣра эта имѣетъ въ виду только одну сторону дѣла, именно—монополію свѣчнаго дѣла въ предѣлахъ епархіи. Между тѣмъ, существуетъ еще другая сторона дѣла, сторона, на которую мало обращено вниманія, но которая въ значительной мѣрѣ обусловливаетъ собою количество потребленія свѣчей въ церквахъ, а слѣдовательно—размѣръ спроса на свѣчи отъ епарх. свѣчнаго завода. Это способъ продажи свѣчей въ церквахъ. Пріемлю смѣлость въ нижеслѣдующихъ строкахъ изложить свои соображенія по этому вопросу, на основаніи собственнаго опыта.

Было время, когда въ церкви, при которой въ настоящее время я прохожу свое служеніе, продавались свѣчи по 5—6 руб. за фунтъ. Тогда продавалось свѣчей въ церкви не болѣе одного пуда въ годъ, при населеніи въ то время 1500 чел. обоего пола. Когда стали продавать (кажется съ 1890 г.) по 3 рубля за фунтъ, расходъ свѣчей увеличился сразу до 4 пудовъ въ годъ. Въ прошломъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ я закупилъ свѣчей сразу 7 пудовъ и назначилъ для продажи мелкія свѣчи по 2 р. 40 к. фунтъ, а болѣе крупныя—2 рубля фунтъ. И что же? Въ концѣ марта настоящаго года потребовалось пополнить запасъ свѣчей, и я взялъ еще одинъ пудъ, пребывая въ надеждѣ, что и этихъ свѣчей не хватитъ къ іюлю мѣсяцу. Такимъ образомъ, уступка въ 60—80 к. на фунтѣ увеличила потребленіе свѣчей вдвое... То же самое я имѣлъ случай наблюдать и въ другомъ приходѣ, который собственно и для меня послужилъ примѣромъ. Населеніе моего прихода въ настоящее время—1800 чел. об. пола.

Чтобы кто ни говорилъ противъ выставленнаго мною факта, безусловно вѣрнымъ останется то, что умѣренныя цѣны на свѣчи въ церквахъ имѣютъ благодѣтельныя послѣдствія для самихъ же церквей. Вѣдь, и самый то епарх. свѣчной заводъ учрежденъ не для блага ли церквей? Когда мы освѣщали церкви парафиновыми свѣчами, тогда черезъ каждые 5—6 лѣтъ требовалось перекрашивать внутри церковь и обновлять иконостасъ, если было желаніе содержать церковь въ благоприличномъ видѣ. Если же теперь мы всѣ будемъ продавать въ церквахъ свѣчи не дешевле 3-хъ рублей за фунтъ, тогда и свѣчной заводъ не простоитъ долго. А разъ свѣчнаго завода нѣтъ, тогда опять къ нашимъ услугамъ—парафиновыя свѣчи, тогда опять черезъ каждыя 5—6 лѣтъ ремонтъ церкви внутри, стоющій не малыя деньги. Наконецъ, если и не вдаваться въ такія отдаленныя разсужденія, то только самый близорукій сочтетъ болѣе выгоднымъ продавать въ годъ 1 пудъ свѣчей по 6 рублей фунтъ, чѣмъ 8 пудовъ по 2 руб. 40 коп. фунтъ... А свѣчные огарки, которыхъ при цѣнѣ 6 рублей фунтъ, почти не окажется.

«Для Бога важна не величина твоей свѣчки (при 6-рублевой продажѣ, свѣчи очень мелкія), которую ты ставишь передъ св.

иконою, а важно то усердіе, съ которымъ ты приносишь свою жертву»: говорятъ обыкновенно сторонники дорогой продажи свѣчей. Въ переводѣ на болѣе понятный языкъ это будетъ значить: для Бога важна не величина церковной свѣчки, а количество уплачиваемыхъ въ пользу церкви денегъ, при покупкѣ свѣчки. Такимъ образомъ, если величина церковной свѣчки не важна, то ее—величину то—можно свести къ нулю, т. е. вовсе не покупать свѣчки, а просто пожертвовать въ пользу храма Божія извѣстное количество денегъ—и только... Къ чему же тогда восковыя свѣчи издревле существуютъ въ церкви?... —Для Бога, дѣйствительно, величина возжигаемой мною свѣчки не важна, какъ не важно для Него же и количество жертвуемыхъ мною денегъ. «Жертва Богу—духъ сокрушенъ» (Пс. 50); но для меня то самаго важна и величина возжигаемой мною свѣчки и количество жертвуемыхъ мною денегъ... Будемъ говорить о свѣчкѣ: пламя церковной свѣчи знаменуетъ для меня благодать Св. Духа, сошедшаго на апостоловъ, въ видѣ огненныхъ языковъ; мягкій, тающій и благовонный воскъ знаменуетъ для меня милосердіе Божіе ко мнѣ грѣшному. Какъ же мнѣ не желать, чтобы сіи согрѣвающіе и питающіе мою душу символы были подольше передъ моими чувственными глазами во время молитвы?—Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить столь значительное расширеніе продажи церковныхъ свѣчей, при сравнительно маломъ послабленіи цѣнъ на свѣчи?

А благолѣпіе церковнаго богослуженія, при вожженныхъ свѣчахъ?.. Неужели это предметъ настолько маловажный, что не стоитъ прилагать заботъ о возможномъ увеличеніи и усугубленіи этого благолѣпія? При чрезмѣрно дорогихъ цѣнахъ на свѣчи, вначалѣ богослуженія, дѣйствительно, замерцаетъ нѣкоторое количество миніатюрныхъ свѣчей, но черезъ минутъ 15—20 ни одной свѣчки нигдѣ не видно.. Какое тутъ благолѣпіе!

Съ какой точки зрѣнія ни посмотрѣть на это дѣло, урегулированіе цѣнъ для раздробительной продажи церковныхъ свѣчей весьма желательно и полезно, а потому весьма благовременно было бы теперь же обратить вниманіе на этотъ предметъ тѣмъ, кому сіе вѣдать надлежитъ.

Свящ. *С. Козлинскій.*

Некрологъ.

Духовенство 2 благочинническаго округа чигиринскаго уѣзда, 25-го мая сего года, похоронило своего многоуважаемаго о. благочиннаго, священника с. Косары Григорія Петрушевскаго, скончавшагося, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, на 55 году жизни. Покойный родился въ м. Кошеватой таращанскаго уѣзда. По окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи со степенью студента въ 1861 г., онъ въ томъ же году былъ рукоположенъ во священника къ Михайловской церкви с. Косары, гдѣ и священствовалъ въ теченіе 35 лѣтъ, до дня своей кончины.

Немногимъ изъ приходскихъ священниковъ приходится нести столько служебныхъ обязанностей, кромѣ пастырскихъ трудовъ въ приходѣ, сколько несъ ихъ покойный о. Петрушевскій. На первыхъ же порахъ своей службы, онъ своею дѣятельностію обратилъ на себя вниманіе и духовенства и епархіальнаго начальства. Въ 1868 году мы видимъ его уже въ должности помощника благочиннаго. Съ этого времени и дальше о. Петрушевскій пользуется все большимъ и большимъ авторитетомъ среди духовенства. Въ 1873 году покойный былъ назначенъ благочиннымъ 3 округа чигиринскаго уѣзда и несъ эту должность съ небольшимъ перерывомъ до самой смерти. Перерывъ этотъ не былъ, однако, отдыхомъ для покойнаго, ибо на него были возложены должности: окружнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, духовнаго слѣдователя и миссіонера. Покойный о. Петрушевскій можетъ быть примѣромъ для другихъ, какъ администраторъ: онъ умѣлъ такъ поставить дѣло, что его и слушали, и уважали, и любили. Интересы духовенства постоянно его озабочивали, особенно когда ему случалось присутствовать на окружныхъ, училищныхъ и епархіальныхъ съѣздахъ. Какъ депутатъ, о. Петрушевскій былъ иногда незамѣнимъ въ округѣ.

Покойный былъ награжденъ набедренникомъ, скуфіею, камилавкою и наперстнымъ крестомъ. Кромѣ сего, за примѣрную службу ему было преподано архипастырское благословеніе и выдана отъ Святѣйшаго Синода Библія; а за участіе къ положенію

раненыхъ и больныхъ воиновъ во время войны 1877–78 года онъ былъ награжденъ знакомъ краснаго креста.

Для совершенія погребенія собрались почти всѣ священники округа; совершавшихъ погребеніе было двадцать священниковъ съ протоіереемъ о. Созонтомъ Слуцкимъ во главѣ и четыре діакона. Многочисленный сонмъ священнослужителей, съ возженными свѣчами въ рукахъ, общимъ хоромъ исполнявшій всѣ погребальныя пѣснопѣнія, глубоко-трогательный и умилительный по содержанію чинъ священническаго погребенія—все это производило сильное впечатлѣніе на прихожанъ, густой толпой окружавшихъ гробъ своего духовнаго отца. Многіе изъ нихъ не могли удержаться отъ слезъ, при этомъ торжественно-печальномъ церковномъ обрядѣ и при послѣднемъ прощаніи съ своимъ пастыремъ. При погребеніи усопшаго были произнесены двѣ рѣчи: одна послѣ перваго евангелія—священникомъ с. Ивковецъ о. Никитою Баккановскимъ, а другая (въ видѣ импровизаціи), по преданіи тѣла землѣ, священникомъ с. Ребедайловки, о. Василіемъ Баньковскимъ.

Приводимъ рѣчь священника Н. Баккановскаго. «Вотъ мы и опять собрались у тебя, многоуважаемый отецъ Григорій, какъ въ былое время! Съ чего же начать бесѣду нашу къ тебѣ, возлюбленный собратъ и соработникъ нашъ на нивѣ Господней? Говорить о томъ, о чемъ мы привыкли бесѣдовать съ тобой при жизни твоей, прося у тебя совѣтовъ какъ пастыря, умудреннаго опытомъ,—нуждаясь въ твоей помощи, какъ мужа жизненной практики и человѣка, облеченнаго властію,—бесѣдовать, къ сожалѣнію, о семъ нынѣ невозможно; ибо смерть сковала твои уста, и ты молча участвуешь въ нашемъ собраніи. Да, не похоже наше собраніе у тебя на бывшія при жизни твоей съ нами: тогда собранія сопровождались пріятностію, а нынѣ горе испытываетъ каждый изъ насъ; тогда—обоюдная бесѣда, а нынѣ молчаніе съ твоей стороны. Зачѣмъ же такъ поспѣшно оставляешь ты насъ?—Вѣдь, самъ же ты выражалъ нѣкогда скорбь свою о томъ, что не все еще закончено тобой по части обязанностей, какъ человѣка—семьянина?! Вѣдь самъ же ты не отказывался отъ тяжкихъ обязанностей службы, а лишь на нѣкоторое время просилъ себѣ отдыха послѣ тяжелыхъ трудовъ, предполагая потомъ опять нести

труды по части церковнаго устройства и для пользы ввѣреннаго тебѣ духовенства. Но намъ не дано знать, когда назначенъ Господомъ конецъ всѣхъ начинаній и предположеній нашихъ. Ты мыслилъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ труду и никогда имъ не тяготившійся; а Господь соблаговолилъ положить предѣлъ трудамъ твоимъ. Ты любилъ трудиться съ рѣдкимъ усердіемъ и умѣніемъ, и слѣды сихъ трудовъ, хранящіеся при храмахъ Божіихъ, долго будутъ свидѣтелями, напоминающими о тебѣ нашимъ преемникамъ по службѣ. За труды и заслуги твои Господь утѣшилъ тебя, какъ отца семейства, а начальство наградило отличіями; и мы вѣримъ, что и за гробомъ у Господа ожидаетъ тебя за сіе награда, ибо въ числѣ другихъ тружениковъ и къ тебѣ относится призывъ Господа: «*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*». (Матѳ. 11, 28). Теперь, слѣдовательно, ты покоенъ отъ трудовъ, теперь ты не говоришь намъ объ обязанностяхъ служебныхъ и желаніяхъ сердца твоего, но за тебя говоритъ святая Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ; она, какъ чадолюбивая мать, знаетъ нужды чадъ своихъ по смерти. Въ пѣснопѣніяхъ своихъ святая Церковь такія рѣчи влагаетъ въ уста твои: «Друзи мои, не забывайте мя, егда молитеся ко Господу. Здравствуйте друзи, чада, спасайтеся, братіе, спасайтеся знаеміи, азъ бо въ путь мой шествую, но память творите о мнѣ». (Изъ чина погр. свящ.) Вѣдаемъ, возлюбленный брате, сіи труды земнородныхъ по смерти и молимся, но особымъ утѣшеніемъ для тебя да будутъ молитвы той же святой Церкви, которая до скончанія вѣка будетъ взывать ко Господу: «о оставленіи грѣховъ, всѣхъ отшедшихъ отъ насъ отецъ и братій нашихъ». Въ настоящее же время святая Церковь нашими устами возсылаетъ усиленныя молитвы о тебѣ къ престолу Вседержителя, да сподобитъ тебя Господь тѣхъ благъ, яже уготовалъ Онъ любящимъ Его. Да проститъ тебѣ Господь прегрѣшенія вольныя и невольныя! Пріими отъ насъ, возлюбленный о. Григорій, всепрощеніе и благопожеланія, прости и намъ вины наши предъ тобой, прости то, что извѣстно тебѣ, и то, что содѣяно въ невѣдѣніи, дабы здѣсь покончить намъ земные счеты наши и на судѣ Божіемъ предстать друзьями и пріятелями; а затѣмъ ожидай и насъ къ себѣ,

ибо скоро, скоро прійдется намъ увидѣться въ тѣхъ мѣстахъ, куда ты нынѣ шествуешь; но до нашей встрѣчи не забывай тѣхъ, кто былъ предметомъ твоихъ попеченій, какъ начальника, отца и пастыря въ приходѣ, во время трудовъ твоихъ среди насъ.

Отцы и братія! Предстоятель нашъ и пастырь сего прихода почилъ отъ трудовъ своихъ. Труды сіи весьма часто покойный несъ изъ за насъ и для насъ; а потому на насъ лежитъ обязанность молиться о новопреставленномъ. «Живыми и мертвыми обладаяй, Господи, упокой душу усопшаго раба твоего священно-іерея Григорія въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»! Аминь.

Извѣстія и замѣтки.

— **Крупное пожертвованіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іоанникія.** Преосвященный митрополитъ кіевскій Іоанникій, въ благодареніе Господу Богу за благополучно совершившееся Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и во всегдашнее воспоминаніе о семъ радостномъ событіи, какъ передаетъ «Правит. Вѣстн.», призналъ необходимымъ учредить на свои средства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ кіевской епархіи по одной стипендіи, и для сего пожертвовалъ капиталъ въ 20.000 руб. въ процентныхъ бумагахъ, съ тѣмъ, чтобы стипендіаты Кіевской академіи, семинаріи и пяти духовныхъ училищъ именовались стипендіатами Его Величества, а стипендіатки двухъ епархіальныхъ женскихъ училищъ—стипендіатками Ея Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора 19 минувшаго мая, соизволилъ собственноручно начертать: «Согласенъ и сердечно обрадованъ его щедростью».

— **Празднованіе дней св. коронованія въ с. Андріевкѣ, кіевскаго уѣзда, макаровской волости** [1]. Настало давно желанное 14-е мая! Еще съ вечера все наше село запестрѣло въ разноцвѣтныхъ

---

[1]) **Не имѣя возможности печатать всѣхъ полученныхъ нами корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ о празднованіи прошлыхъ торжественныхъ дней коронаціи,—печатаемъ хотя эту одну, по которой можно судить и о другихъ.—Ред.**

флагахъ; прекрасная, давно небывалая теплая погода, ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ, благоговѣйное ожиданіе столь по истинѣ радостнаго праздника, какъ праздникъ св. коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, все это вмѣстѣ взятое настраивало сердца андріевскихъ прихожанъ на какой то особенный священно-патріотическій ладъ. Такъ какъ за нѣсколько дней до 14 мая, я объявилъ своимъ прихожанамъ, что служить благодарственный Господу Богу молебенъ приказано не раньше, чѣмъ будетъ получена телеграмма отъ мѣстной полиціи, то ко мнѣ явилось нѣсколько стрѣлковъ съ предложеніемъ, извѣстить жителей с. Андріевки, а равно также жителей прилегающихъ деревень, о полученіи всерадостнѣйшей телеграммы троекратнымъ ружейнымъ залпомъ. Пальбу изъ ружей рѣшено было произвесть въ усадьбѣ священника, какъ расположенной на холмѣ, и потому, какъ бы господствующей надъ всѣмъ селомъ. На богослуженіе 14-го мая собралась такая масса народа, какой не запомнятъ старожилы. Благолѣпіе церковнаго богослуженія, стройное умилительное пѣніе двухсотеннаго хора пѣвчихъ, тысячи теплящихся свѣчей, чтеніе молитвы за Государя, положенной на сугубой ектеніи съ колѣнопреклоненіемъ, все это вызывало у молящихся слезы умиленія ко Господу силъ о ниспосланіи даровъ Св. Духа на Того, къ словамъ Котораго съ благоговѣйнымъ трепетомъ прислушиваются милліоны душъ! Окончилась литургія, и я опять напомнилъ прихожанамъ, что всерадостнѣйшей телеграммы надобно ожидать непремѣнно послѣ полудня, для чего еще рано утромъ 14 мая, въ становую квартиру былъ посланъ полицейскій десятскій. Въ 5 часовъ дня раздался гулъ собравшагося народа: «идетъ, идетъ»!! Среди моего двора появился молодой, рослый парень, весь запыхавшись, блѣдный, съ пакетомъ въ рукахъ. Тысячная толпа, обнаживъ головы, какъ бы на минуту замерла; не помня себя отъ радости, я подбѣжалъ къ парню и дрожащими отъ волненія руками, разорвалъ пакетъ; какъ только я прочелъ слова телеграммы: «св. коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ послѣдовало, — предлагаю немедленно отслужить благодарственный Господу Богу молебенъ»! весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, обратившись на храмъ Божій и благоговѣйно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, произнесъ: «Слава Тебѣ Господи, Слава Тебѣ»! Сію же минуту раздалась команда, браваго

плевненскаго героя: «ребята, стройся—пли»! грянулъ ружейный залпъ, за нимъ другой и третій.

Къ церкви, что есть силъ, бѣжалъ народъ. Не успѣлъ еще церковный староста заблаговѣстить, какъ вся церковь и церковный погостъ были переполнены народомъ. Все это явилось вознести горячую, сердечную молитву ко Господу Богу о здравіи, долгоденствіи и благоденствіи Отца Отечества и Матушки-Царицы! Стройное, умилительное пѣніе двухъ хоровъ пѣвчихъ производило въ эти минуты впечатлѣніе, которое можетъ вызвать слезы умиленія у самой черствой и индифферентной души. По совершеніи благодарственнаго молебна и возглашенія многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому, весь народъ съ непокрытыми головами, возвратился въ мой садъ и дворъ; выйдя изъ церкви и увидѣвъ сіяющія радостныя лица крестьянъ, я снялъ шляпу и сказалъ слѣдующее: «поздравляю васъ, гг. прихожане, съ благополучно совершившимся св. коронованіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ! Да здравствуетъ нашъ Обожаемый Монархъ, Николай Александровичъ и Его Возлюбленнѣйшая Супруга, Государыня Императрица, Александра Ѳеодоровна! Ура»! Раздалось мощное, громкое, русское ура! въ гору полетѣли шапки, подевки, платки; раздалась ружейная пальба; хоръ пѣвчихъ, тутъ же въ саду, грянулъ: Боже Царя Храни! Во время пѣнія народнаго гимна, все на минуту какъ бы замерло, чтобы, по окончаніи гимна, еще съ большей силой, еще съ большимъ энтузіазмомъ, излить свой патріотическій восторгъ, свою чисто-русскую душу; по окончаніи гимна опять ура, опять ружейная пальба. Гимнъ былъ пропѣтъ трижды; послѣ гимна хоръ исполнилъ Славься, славься нашъ Русскій Царь,—и при словахъ: «Царя-Государя встрѣчаетъ народъ», у многихъ брызнули слезы радости. Вся Андріевка пришла въ какой то неописанный восторгъ, до сихъ поръ не слыханный, а тѣмъ болѣе не виданный. Не успѣлъ смолкнуть хоръ пѣвчихъ, какъ среди моего двора загремѣла музыка. Въ саду появилась закуска, вино, пиво и сладости. Вся толпа разсѣлась въ саду на шелковистой травкѣ, гдѣ кто попалъ; всѣмъ взрослымъ были предложены: вино, пиво, закуска, а дѣтямъ въ это время учитель Ляхоцкій раздавалъ сладости.

Вечеромъ, церковная колокольня, церковный погостъ съ улицы, а равно также мой садъ, были иллюминованы разноцвѣтными фонариками и бенгальскими огнями; хоръ пѣвчихъ исполнилъ въ моемъ саду нѣсколько патріотическихъ пѣсень,—при чемъ во время пѣнія Боже Царя храни, въ саду, во дворѣ, на церковномъ погостѣ и въ прилегающихъ улицахъ гремѣло ура! Народное гулянье 14 мая окончилось въ 12 часовъ ночи. На другой день, т. е. 15 мая, съ восходомъ солнца, на церковномъ погостѣ начали появляться группы, разодѣтыхъ по праздничному, крестьянъ; все это были жители другихъ селъ и деревень, пришедшихъ въ с. Андріевку помолиться за своего Батюшку-Царя и Его Державнѣйшую Супругу. Въ 10 часовъ дня былъ совершенъ благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго, вся тысячная толпа, крестнымъ ходомъ направилась къ школьному зданію; вся школа была разукрашена гирляндами зелени, цвѣтами и вѣнками, а на прилегающей площади, убранной деревцами и зеленью, былъ поставленъ столъ съ хлѣбомъ-солью; по совершеніи молебствія, какъ только хоръ пѣвчихъ запѣлъ многая лѣта, съ противоположнаго холма, шаговъ за 200, грянула ружейная пальба, сопровождаемая колокольнымъ звономъ. Послѣ пѣнія многая лѣта, хоръ исполнилъ Боже царя храни; громовое ура было отвѣтомъ на пѣніе хора пѣвчихъ. По окончаніи всего, присутствовавшимъ на школьной площади были предложены закуска, пиво, вино, а дѣтямъ конфекты. Во время закуски, первый тостъ мной былъ провозглашенъ за здоровье Государя Императора, Государыню Императрицу и весь царствующій Домъ, подхваченный долго несмолкавшимъ ура! Послѣ закуски, вся толпа оставалась около школы, гдѣ въ это время шли приготовленія къ вечерней иллюминаціи. Въ 6 часовъ вечера появился оркестръ духовой музыки, и какъ только музыка заиграла и хоръ запѣлъ народный гимнъ, въ школьномъ окнѣ, декорированномъ незабудками, ландышами и сиренью, появился портретъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы. Не успѣла музыка окончить народный гимнъ, какъ грянуло могучее ура, прерываемое ружейной пальбой. По окончаніи трижды пропѣтаго гимна, учитель андріевской церковноприходской школы П. Ляхоцкій, при участіи двухъ сельскихъ старостъ Ѳоменка и Соломенка, раздавалъ всѣмъ дѣтямъ конфекты.

Съ наступленіемъ же вечернихъ сумерокъ, окно, въ которомъ былъ выставленъ портретъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, было иллюминовано шестью разноцвѣтными стеклянными фонариками, а школьное зданіе и эстрада, гдѣ расположились пѣвчіе и оркестръ музыки, были увѣшаны разноцвѣтными бумажными фонарями, нарочно къ этому времени изготовленными учителемъ Ляхоцкимъ. Раздалось пѣніе съ акомпаниментомъ музыки: «славься, славься нашъ русскій царь». Между толпой и на эстрадѣ вспыхнули розоватые бенгальскіе огни,—зарокотала ружейная пальба; въ воздухъ полетѣли шапки, подевки, платки. При пѣніи словъ: «слава нашему царю», грянуло опять ура! Гулянье возлѣ школы было закончено въ 12 часовъ ночи пѣніемъ: «Боже царя храни»! Свящ. *П. Левитскій.*

— **Церковно-приходскія школы въ кіевск. губ.** Въ 1894—95 учеб. году православное населеніе кіевск. епархіи равнялось 2.545,689 душ. обоего пола, въ числѣ которыхъ дѣтей учебнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) было 413,535 д. Всѣхъ православныхъ приходовъ въ губерніи было 1,286. Такъ какъ школъ церковнаго вѣдомства въ этомъ учеб. году было 1,635, въ томъ числѣ двухклассныхъ 28, одноклассныхъ 885 и школъ грамоты 725, то, слѣдовательно, не только въ каждомъ приходѣ имѣлось по школѣ, но оказалось ихъ еще больше (349 школъ); такъ что на долю нѣкоторыхъ приходовъ приходится по двѣ школы. Общее число учащихся во всѣхъ этихъ школахъ равнялось въ отчетномъ году 94,268 душамъ (82,881 мальчиковъ и 11,387 дѣвочекъ). Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что, во-первыхъ, на каждую изъ школъ духовнаго вѣдомства приходилось около 57 воспитанниковъ, и что, во-вторыхъ, 321,942 души школьнаго возраста оставались внѣ школъ, при чемъ школъ не посѣщало 128,199 мальчиковъ и 193,813 дѣвочекъ. Въ дѣйствительности цифра эта должна быть ниже, потому что въ числѣ дѣтей, не посѣщавшихъ церковно-приходскія школы, показаны и тѣ, которыя посѣщали имѣющіяся въ губерніи 83 школы Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если мы примемъ во вниманіе, что въ министерскихъ школахъ обучалось 13,808 дѣтей обоего пола, то окажется, что въ кіевской губ. въ 1894—95 г. 305,459 дѣтей школьнаго возраста ни въ какой школѣ не обучались, что составитъ около 75% наличнаго дѣтскаго населенія губерніи. Выше

мы предположили, что церковно-приходская школа или школа грамоты имѣется въ каждомъ приходѣ кіевской губ., но, въ дѣйствительности, это не такъ. По отчету (изданному отдѣльною брошюрою), никакихъ школъ нѣтъ въ 11 селахъ, гдѣ по два прихода, и въ 150 приписныхъ деревняхъ и хуторахъ, что еще болѣе подчеркиваетъ недостатокъ мѣстъ, гдѣ мѣстное дѣтское населеніе школьнаго возраста могло-бы учиться хотя простой грамотѣ. Изъ числа девяносто четырехъ тысячъ дѣтей, учившихся въ школахъ духовнаго вѣдомства, на долю церковно-приходскихъ школъ въ отчетномъ году приходилось 64,516 мальчиковъ и 8,818 дѣвочекъ, а на долю школъ грамоты 18,365 мальчиковъ и 2,569 дѣвочекъ. Успѣшность обученія всѣхъ этихъ дѣтей выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ. Всѣхъ, окончившихъ въ 1894—95 году церковно-приходскія школы было 4,066 душъ дѣтей, изъ числа которыхъ 2,195 мальчиковъ получили льготу по отбыванію воинской повинности. Такимъ образомъ, общее число окончившихъ церковно-приходскую школу составляетъ менѣе 6% всѣхъ учившихся въ этой школѣ, а получили свидѣтельства на льготы по отбыванію воинской повинности менѣе 3% обучавшихся въ церковно-приходской школѣ мальчиковъ. Въ школахъ грамоты училось 18,365 мальчиковъ и 2,569 дѣвочекъ. Экзаменъ на льготу по отбыванію воинской повинности выдержали 216 воспитанниковъ школъ грамоты, что составляетъ около 1% общаго числа учившихся въ этихъ школахъ. Издержано духовнымъ вѣдомствомъ на содержаніе всѣхъ школъ, какъ церковно-приходскихъ, такъ и школъ грамоты въ 1894—95 г. 216,153 руб., но общая сумма поступленій на дѣло приходскихъ школъ равнялась въ отчетномъ году 251,731 руб., такъ что къ концу года получился остатокъ въ 35,578 руб., не издержанныхъ на дѣло школьнаго обученія. Капиталъ, находившійся въ распоряженіи духовнаго вѣдомства кіевской губ. для школьнаго дѣла, слагался, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ поступленій: отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ 156,706 руб., изъ земскихъ сборовъ 28,416 р., отъ благотворителей 9,827 руб., попечителей школъ 8,066 руб., отъ оброчныхъ статей 2,375 р. и т. д. Пособія школамъ отъ церквей поступило 3,093 р. и отъ монастырей кіевской губ. 95 р. Если

принять во вниманіе цифру денегъ, издержанныхъ на школы, то окажется, что содержаніе каждой школы церковнаго вѣдомства обошлось въ 1894—95 г. въ 138 руб., а обученіе каждаго воспитанника школы—въ 2 р. 29 к. Обѣ эти цифры, конечно, слѣдуетъ признать чрезмѣрно малыми. (Изъ «Кіевл.»).

— **Запасные народные учителя.** Въ педагогическомъ мірѣ промелькнулъ, по словамъ «С. О.», слухъ о нововведеніи, касающемся учительскаго персонала сельскихъ школъ. Дѣло въ томъ, что, при современныхъ порядкахъ, учитель сельской школы и самая школа такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что если учитель захвораетъ или по семейнымъ и инымъ обстоятельствамъ временно оставляетъ школу, то ученіе прерывается, и для учениковъ настаютъ неожиданныя каникулы, сильно вредящія дѣлу. Для предотвращенія подобныхъ прогуловъ съ 1896—1897 учебнаго года почти во всѣхъ уѣздахъ петербургской губерніи будутъ учреждены должности запасныхъ учителей при сельскихъ училищахъ, которые могли-бы, въ случаѣ болѣзни или продолжительнаго отсутствія постояннаго учителя, не прерывая занятій, продолжать обученіе дѣтей въ школѣ.

— **Новый колоколъ.** 25 мая со станціи Кіевъ II совершена перевозка громаднаго новаго колокола, отлитаго въ Москвѣ, для Кіево-Свято-троицкаго общежительнаго мужскаго монастыря. Колоколъ этотъ доставленъ на названную выше станцію 24 мая и въ теченіе всего дня былъ окруженъ толпой любопытныхъ, осматривавшихъ прекрасную работу московскаго мастера. Высота колокола $4^1/_2$ аршина, ширина такая-же. Въ самой верхней части крупными рельефными славянскими буквами изображено: «Благовѣствуй земле радость велію, хвалите небеса Божію славу». Подъ этой надписью изображены горельфомъ лики Богоматери, апостоловъ-евангелистовъ и святыхъ. Съ четырехъ сторонъ описываемый нами великанъ имѣетъ слѣдующія надписи: I. «Усердіемъ боголюбивыхъ жертвователей князя Сергія и княгинь Маріи, Софіи и Вѣры Васильчиковыхъ, Іоанна и Надежды Строгановыхъ, харьковскихъ купцовъ Іоанна, Анны, Михаила, Палагеи, Авксентія Барабановыхъ, Николая Сѣрикова, Пензенскаго купца Ксенофонта Васильева и С.-Петербургскаго купца Василія и жены его Анны Камен-

скихъ. II. «О упокоеніи блаженной памяти преставльшихся учредителей святыя обители сія: Государя Императора Александра II-го и высокопреосвященнѣйшаго Арсенія митрополита кіевскаго и галицкаго, князя Илларіона и княгини Екатерины Васильчиковыхъ и іеромонаха Θеодосія и монаха Петра». III. «Во славу святыя, единосущныя, Животворящія и Нераздѣльныя Тройцы Отца и Сына и Святого Духа и Всесвятыя Владычицы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ, въ память Священнаго Коронованія Государя Императора Николая II-го и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны для Свято-Троицкаго общежительнаго мужского монастыря въ г. Кіевѣ» и IV. «При преосвященнѣйшемъ Іоанникіѣ, митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ, при настоятелѣ священноархимандритѣ Іонѣ, въ схимонасѣхъ Петрѣ, о Христѣ съ братіею іеромонахахъ—-Антоніи, Палладіи, Серафимѣ, Іоанникіи, Олимпіи, Порфиріи, Пахоміи, Мелхиседекѣ, Христофорѣ, Евстратіи,—монахахъ—Филаретѣ, Михаилѣ и другихъ...». Вокругъ нижняго края колокола стоитъ слѣдующая напись: «1896 года, марта 16 дня, отлитъ сей колоколъ въ Москвѣ, на заводѣ потомственнаго почетнаго гражданина Андрея Дмитріевича Самгина. Вѣсу въ немъ 1150 пуд. 10 фунтовъ, лилъ мастеръ Іоакимъ Воробьевъ». Описываемый колоколъ, вѣсъ котораго мы только что сообщили, является въ настоящее время самымъ большимъ колоколомъ въ Кіевѣ. («Кіевл.»).

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

№ 12 сданъ на почту 1 іюля.

От Кіевскаго духовн. цензурн. Комитета печат. дозвол. 27 іюня 1896 г.
Цензоръ, проф. Академіи, свящ. *І. Корольковъ.*
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.